

ДИНА

Р
У
Б
И
Н
А

Завтра
как обычно

Дина Рубина

Завтра, как обычно

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Завтра, как обычно / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-138864-5

«Я купил в буфете лимоны и поднялся к себе, на второй этаж. Кулек я положил на стол, из него выкатились два маленьких солнца, я сел, подпер кулаком щеку и стал на них смотреть. За окном в дымке застойного утра стоял голый платан с мятым лоскутом последнего листа. Лоскут вяло трепыхался на ветру. Я не стал зажигать свет в кабинете. Пусть себе, подумал я о тумане, вот он вполз, прокрался, как преступник в комнату, занял ее, чувствует себя здесь хозяином, и вдруг является некто, приносит в кульке несколько маленьких солнц, и два из них выкатились на стол и мягко настойчиво светятся – солнца в тумане...»

ISBN 978-5-04-138864-5

© Рубина Д. И.

© Эксмо

Дина Рубина

Завтра, как обычно

– Жили-были дед и баба, ели кашу с молоком, – скороговоркой пробормотала Маргарита, ковыряясь ложкой в тарелке с манной кашей, – рассердился дед на бабу, трах по пузу кулаком!
– Это еще что такое? – одновременно возмутились дед и баба.
– Это детсадовский эпос, – успокоил я их.
– Саша знает, Саша – следователь, – похвасталась самой себе Маргарита.

* * *

Я купил в буфете лимоны и поднялся к себе, на второй этаж. Кулек я положил на стол, из него выкатились два маленьких солнца, я сел, подпер кулаком щеку и стал на них смотреть.

За окном в дымке застойного утра стоял голый платан с мятым лоскутом последнего листа. Лоскут вяло трепыхался на ветру.

Я не стал зажигать свет в кабинете. Пусть себе, подумал я о тумане, вот он вполз, прокрался, как преступник, в комнату, занял ее, чувствует себя здесь хозяином, и вдруг является некто, приносит в кульке несколько маленьких солнц, и два из них выкатились на стол и мягко, настойчиво светятся – солнца в тумане...

Отсюда, из окна моего кабинета, видно было, как копошилась во дворе дворничиха Люся – старое колесо с метлой. Согнувшись в три погибели, она обметала крыльцо. Сверху не разглядеть было беспрестанно бормочущих губ, но я знал, что Люся, как всегда, бурчит себе под нос, сварливо рассказывает свою жизнь сметаемым в кучу окуркам, бумажкам, листьям. Вон той обертке из-под пломбира рассказала о первом муже, той пачке из-под сигарет – о непутевом сыне...

В утреннем сумраке я потянулся к телефону и на ощупь набрал номер. Трубку сняла Маргарита.

– Это ты, Маргарита?! – рыкнул я.

– Ой, а кто это? – испуганно пролепетала Маргарита.

– Это старый, облезлый, ревматический медведь из леса Муромы, – прорычал я и тут же осведомился натуральным голосом: – А ты думала кто?

– Я думала, это мой братик Саша, – так же озадаченно выдохнула Маргарита.

Я представил себе ее толстую физиономию, и в груди у меня потеплело. Я собирался углубить недоразумение еще какой-нибудь звериной информацией, но в дверь робко поскреблись, и я опустил трубку.

– Да! – крикнул я, подскочил и, хлопнув ладонью по выключателю, зажег свет. – Войдите!

Но за дверью все так же мышино скреблись. Я поднялся и распахнул дверь.

– Да, пожалуйста!

Человек прынул от меня, как испуганный конь. В его невинно-голубых глазах смешались страх и истая преданность неважно кому.

– Вот... здрасте... – Он протягивал мне трепещущую повестку.

– Хорошо, войдите, – сказал я, – садитесь.

– Товарищ следователь... товарищ... – забормотал он, продолжая стоять в дверях. – Это такой кошмар, такое несчастье...

– Да вы проходите и успокойтесь, прошу вас. Садитесь.

Мужчина сел. Его гладко выбритые пухлые щеки, мягко провисающий двойной подбородок, точеный дамский носик – все было объято ужасом, все волновалось и подергивалось. Рука терзала закругленный воротничок розовой рубашки.

– Вы понимаете, я все расскажу, все... Потому что это недоразумение. У нас такая добропорядочная семья! Поверьте, моя жена далека от... спекуляции, фу, даже слово это по отношению к ней не выговаривается!

– Это потому, что вы волнуетесь.

Люся опять жгла мусор у деревянного забора. За это ей влетало время от времени, но плевать Люся хотела на начальство, ибо главное ее начальство – судьба – давно уже согнуло Люсю в старое колесо. Она стояла, опершись на метлу, в мужнином пиджаке, в растоптанных белых туфлях, курила сигаретку и, задумчиво закладывая за уши пряди седой комсомольской стрижки, смотрела в огонь. А костер горел пышный, высокий, искорки над ним плясали, подталкиваемые жарким дыханием костра, и в воздухе, лениво цепляясь за голые ветви платана, плыли черные лоскутья пепла.

– Какие-то пудры, помады... черт знает что... мохер какой-то. Просто у них в музыкальной школе профсоюз делал женщинам подарки к Восьмому марта, и...

Я спрятал пакет с лимонами в ящик стола, достал чистый бланк для допроса и сказал этой невинно-розовой рубашке:

– Так. Фамилия, имя, отчество.

* * *

После того как в прошлом году дед перенес второй инфаркт, жизнь моя обратилась в кошмар. Чуть ли не каждый день я находил в своей комнате новый настырно-робкий сюрприз. На столе, прижатая будильником, лежала аккуратная четвертушка тетрадного листка, на которой дедовской твердой рукой было написано: «Наташа – 76–59—30», или «Зоя – 56–78—12», а то еще так: «Лена – 44–75—69, мама – Ирина Львовна».

Я брал бумажку двумя пальцами и выходил в столовую. Дед ходил по дому в трусах, устало передвигая волосатые ноги с квадратными гладиаторскими икрами, ноги отставного полковника, ноги, сформированные на плацу.

– Дед, – миролюбиво говорил я, потрясая бумажкой, – опять? Что это еще за Инесса?

У деда багровела лысина, и он напряженно-спокойно отвечал:

– Это внучка моего сослуживца. Хорошая девочка, из хорошей семьи. Почему б тебе не позвонить?

– Дед, опомнись! Ну, позвоню. И что я скажу?

– Не прикидывайся, – строго отвечал дед. – Я не вечный, баба – тоже. Мне надо знать, что вы с Маргаритой устроены, тогда я умру спокойно. А ты, вероятно, забываешь, что на тебе Маргарита!

О том, что на мне Маргарита, я помнил всегда. Я оборачивался и находил ее тихий бирюзовый взгляд. Я ей подмигивал, и она энергично моргала мне обоими глазами, одним у нее пока не получалось.

Дед давно вышел в отставку, но все преподавал в военном училище, потому что он меня еще «не поднял». Всю жизнь они с бабой кого-нибудь «поднимали» – то маму, то, после ее смерти, нас с Ирккой. Теперь вот они поднимали Маргариту, хотя, конечно, подразумевалось, что процесс поднимания Маргариты не будет ими завершен в силу естественных возрастных причин, и что эта миссия будет переложена на мои плечи, к тому времени – так предполагалось – уже достаточно «поднятые». Имелась в виду приличная, хорошо оплачиваемая работа и «хорошая семья», в которую нас с Маргаритой необходимо пристроить путем моей удачной женитьбы. Чтобы иметь возможность умереть спокойно.

Баба тоже занималась этой проблемой, даже более деятельно, чем дед. Однажды я застал дома незнакомую девушку, баба ее поила чаем, и та старательно пила этот чай. И ждала меня.

И я пришел. Смотрю – девушка сидит, ничего, полненькая, симпатичная, глаза большие. Ну что я ей? Что она мне?

...Вчера на привычном месте, привычно прижатая будильником, меня ждала новая кандидатура. Не подходя к столу, я разделся, натянул домашнее – тренировочные брюки, еще со школьных уроков физкультуры, и старый свитер с латками на локтях. И только потом, вздохнув, заглянул в бумажку. Там было написано: «Иван Сергеевич – 38–87—90».

Впервые я почувствовал интерес к бумажной кандидатуре. Я выглянул в столовую и спросил:

– Дед, что, хорошая девочка – этот Иван Сергеевич?

Дед сложил газету и снял очки.

– Вот что, сынка, – сказал он, – я уже звонил и обо всем договорился. Им нужен юрист. Завтра к десяти явишься к нему, к этому Ивану Сергеевичу. Будешь работать по-человечески.

– Я не безработный, – тихо сказал я.

– Хватит. Я вижу, в кого ты превратился. Не спишь, не ешь, похудел как черт, вчера ночью кричал...

– Мне снилось, что ты меня замуж выдаешь.

– Дуся! – крикнул дед, побагровев.

И тогда из кухни выкатилась тяжелая артиллерия.

– Санечка, – умоляюще проговорила баба, – это прекрасная, спокойная должность – юрист в тресте «Метростроя». Оклад сто сорок плюс тридцать процентов премиальных каждый месяц.

– Нет, – сказал я.

– В Москву будешь ездить, даже за границу, ты же знаешь, мы в Венгрии метро строим. Бесплатный проезд по железной дороге.

– Нет! – сказал я.

Дед отшвырнул газету, вскочил и заходил по комнате, яростно сжимая и разжимая крепкие волосатые кулаки.

– Ты знаешь, Дуся, как у них называется машина, которая возит пострадавших? – спросил он на ходу и выкрикнул победно: – Труповозка!..

Баба ахнула, но деду этого показалось мало.

– Он, именно он должен разгрести помои общества! Кончится тем, что какой-нибудь бандит надерет ему уши. Нашел призвание! Целыми днями только и слышишь об ограблениях и убийствах.

– Коля, здесь ребенок! – напомнила баба.

– Подумаешь, вчера он этому ребенку объяснял, что такое судебно-медицинская экспертиза! – И дед грозно остановился передо мной и жестом пророка ткнул пальцем в угол, где в кресле сидела Маргарита и мерцала своими кошачьими глазами.

– Деду-усь, – певуче протянула она, – а знаешь, как интересно.

Но дед, не снимая указующего перста с Маргариты, выставил вперед свою ногу старого гладиатора и патетически произнес:

– Его убьют в перестрелке, Дуся. Ему плевать, что станет с ребенком.

Я нервно расхохотался и ушел к себе, хлопнув дверью. Походил по комнате, посвистел, глянул на Иркину фотографию за стеклом книжной полки. Я люблю смотреть на эту фотографию, она меня успокаивает. Ирка снята на пляже. Стоит веселая, обмотанная полотенцем, и за нею вздымается облако – белое, клубистое, вполнеба. Где-то сейчас это облако? Унеслось, развеялось, затерялось в чужих краях...

В нашей семье многое подразумевалось. Так, например, подразумевалось, что я Маргарите – братик Саша, хотя на самом деле ей, согласно субординации, следовало звать меня дядей Сашей. Подразумевалось, что моя дурацкая сестра Ирка, Маргаритина мать, живет в Москве

со своим вторым мужем Витей. Хотя на самом деле Витя приходился ей первым мужем, а Маргарита была в свое время принесена нам в подоле легкомысленного Иркиного платица, голубого, в белый горошек. Подразумевалось, что Ирка – мать-одиночка, хотя на самом деле представить Ирку матерью было не под силу даже самому доброжелательному, самому умиленному воображению.

Подразумевалось, что Ирка гордо решила рожать Маргариту, хотя в действительности, благодаря Иркиному сверхъестественному легкомыслию, дело обнаружилось спустя месяцев пять, и на мое нынешнее счастье, Маргариту убивать было поздно, пришлось ее рожать на этот свет. Сейчас я холодею при мысли, что могло быть иначе.

Подразумевалось, что еще до рождения Маргариты Ирка выгнала Толю-рыжего и решила воспитывать ребенка сама, хотя на самом деле Толя-рыжий, детина с наглой мордой, жил в соседнем подъезде и не собирался жениться на Ирке, а значит, и выгонять его было неоткуда. Подразумевалось, что я, как брат и защитник, ходил выяснять отношения с Толей-рыжим и его семьей, потому что больше выяснять было некому – дед лежал в больнице с первым инфарктом, а баба лежала дома с гипертоническим кризом. Подразумевалось, что я выяснил отношения самым исчерпывающим образом. На самом деле состоялась бездарная драка, в которой будущий Маргаритин папа выбил зуб будущему Маргаритину дяде. По этому поводу я страдаю до сих пор, потому что не могу улыбнуться по-человечески ни одной девушке.

Из роддома Маргариту забирал я. Мне положили на руки легкий белый сверток, я заглянул под накиннутый уголок одеяльца и натолкнулся на бессмысленный Маргаритин взгляд.

– Как держите, папаша!левой снизу возьмите! – сказала мне медсестра.

Я забормотал что-то и сунул трешку в карман ее халата. Такое указание передала мне в записке Ирка. Она семенила сзади, и на лице ее играла счастливая улыбка.

Мне было семнадцать лет, я нес Маргариту через двор роддома к воротам и не знал, зачем мне нужен этот сверток и что с ним делать. Привез я Маргариту уже сюда, в новую квартиру, на которую мы срочно и невыгодно обменялись.

Сразу же после рождения Маргариты Ирке вздумалось поехать в Москву поступать учиться «куда-нибудь». Поступить она, конечно, никуда не поступила, но за этот короткий период времени успела встретить Витю, студента циркового училища. Витя взял Ирку замуж сразу же, в том же голубом в белый горошек платице. Он полюбил ее такую дурацкую, какая она есть, и сделал из Ирки цирковую артистку. Теперь она ассистирует Вите, у них даже отдельный номер, «свой», как гордо рассказывала Ирка по телефону. Кажется, номер заключается в следующем: Ирка держит в зубах сигарету, а Витя гасит эту сигарету ударом хлыста. Или каната. Я не очень понял бестолковое Иркино объяснение, но, собственно, мне-то что! Худсовет этот номер принял, и слава богу... Ирка с Витей постоянно разъезжают, у них гастроли и бурная цирковая жизнь, а Маргарита тихо растет в нашем доме, и теперь уже совершенно очевидно, что останется со мною навсегда.

Я сидел за письменным столом и быстро, одной нервной линией рисовал на дедовской записочке с нужным телефоном ужасные морды. Тут вошла баба, обняла меня за шею и поцеловала в затылок.

– Ба, ну не могу я больше! – взвился я. – Ну чего он чушь порет!

– Саня, ты же знаешь деда, – сказала баба и стала, как в детстве, хлопотать над моим чубом – то убирала его со лба набок, то разглаживала опять, – он переживает за тебя, за Маргаритку... Мы ж и в самом деле не вечные, Саня. Останетесь вы с ней одни.

– Начинается! Со святыми упокой.

– Ну не раздражайся, не раздражайся. – Она быстро и мягко гладила меня по плечу. – Ты взгляни правде в глаза – и поймешь, что дед прав. Ну какой из тебя следовательно? Ты такой мягкий, добрый...

– Маленький, – продолжил я, – метр шестьдесят...

– Дело, конечно, не в росте. Да ты, Саня, и сам сбежишь оттуда, не выдержишь.

– Выдержу! – упрямо сказал я и дернул головой, чтобы баба не теребила волосы, хотя мне это было приятно.

Помимо преподавания географии, баба всю жизнь вела классное руководство. К нам до сих пор в самые неподходящие моменты являлись бывшие ученики с букетами цветов. Почему-то они приходили целыми выпусками, человек по пятнадцать, и весело толпились в нашей маленькой квартирке. И надо было их принимать, поить чаем, мыть после них полы. Баба очень тосковала по воспитательной работе.

– Ты должен крепко встать на ноги в материальном смысле, – продолжала она, – а там, в метро, премии, Саня, и тринадцатая зарплата.

– Баба, не обрабатывай меня! – попросил я.

– Прекратятся эти кошмарные дежурства, когда мы с дедом всю ночь не спим и ждем тебя с валидолом в зубах.

– Ну, никто не виноват, что вы – комедийные персонажи. Не налегай на меня, пожалуйста, позвоночник хрустнет.

– Ну, хорошо! – решительно сказала баба. – Зайти-то ты можешь к этому человеку, поговорить?

– Зачем?

– Может, тебе там приглянется...

Я молчал, продолжая рисовать одной линией клыкастые морды.

– Саша! Ради меня!

– Сказал – не пойду, значит, не пойду! – буркнул я.

За моей спиной воцарилась пауза, полная оскорбленного достоинства.

– Ладно, Саша, – сказала баба, смиренно вздохнув, – тебе видней. Может, действительно, не стоит. Может, в этой милиции твое призвание. Ладно, не ходи.

– Ну, хорошо, пойду. – Я просто не вынес ее горя.

– Зачем, Саша, если душа не лежит?

– Сказал – пойду, значит, пойду! – буркнул я.

Баба замерла за моей спиной, еще раз контрольно вздохнула, чтобы я не вздумал забыть о ее горестной озабоченности моей судьбой, поцеловала меня в макушку и вышла.

* * *

Секретарша – глазастая, с милым носиком и округлым подбородком, – этакая Ярославна, стриженная под пятиклассника, княжила на государстве телефонных аппаратов. Она манипулировала цветными трубками с потрясающей ловкостью, и этим напоминала уличного регулировщика с большим стажем.

Я спросил у нее, кивнув подбородком на дверь кабинета:

– У себя?

Секретарша почесала карандашом в мальчишеском чубчике и спросила буднично:

– А вы кто?

– Я по поводу устройства на работу. Юрисконсульт.

– А, – сказала она, – сейчас... – Поднялась и ослепила меня разрезом на джинсовой юбке.

«А что, – подумал я, – может, и вправду остаться здесь работать?»

Она выглянула из кабинета и так же буднично сказала:

– Заходите.

И я вошел в вольер ко льву. Лев восседал за нескончаемым, как посадочная полоса, столом, положив лапы перед собой, как египетский сфинкс. У него была массивная морда с жест-

кой всклокоченной гривой, по обе стороны мясистой переносицы самостоятельно и проворно жили глазки – себе на уме.

Я поздоровался и назвал. Он, не поднимаясь, качнулся мне навстречу и сказал:

– Так. Алек-сандр Ни-ки-фо-ро-вич... – Он тщательно проговаривал все буквы моего нестандартного отчества, казалось даже, добавлял где-то в середине два-три лишних слога и любовался, как это славно получается. Наматывал мое имя-отчество, как ленточку серпантина на палец. – Значит, Александр... Никифорович... Не слишком ли вы молоды для нас?

– А что? Вообще-то у меня диплом с отличием... – почему-то возразил я, как будто и в самом деле стремился во что бы то ни стало устроиться под его львиной лапой.

– Да? Ну, добро, добро. Здесь вот такая штука, Александр Никифорович... Вы где работаете?

– Я работаю следователем отделения милиции Кировского района, – ответил я, стараясь глядеть на него пристально, тем самым внушая уважение к своей кандидатуре.

Он хмыкнул, запустил тяжелую лапу в жесткую гриву и поскреб там.

– Ну и как? – спросил он. – Всех переловил?

– Кого? – тупо спросил я, продолжая сверлить льва взглядом дрессировщика.

– Да, ну ладно... – спохватился он, – у нас, Александр Никифорович, видите ли, семь надомников в разных концах города, но это меня совершенно не устраивает. Нужен юрист, который бы выполнял работу за этих бездельников. Не скрываю, дело хлопотное. Возможно, где-то в чем-то придется выполнять и функции снабженца. Предупреждаю: будут частые поездки в Москву. Очень частые. Очень. Скажем, вызываю я вас завтра и говорю: «Александр Никифорович, нужны трубы!» – и вы летите за трубами. Вызываю послезавтра и говорю: «Александр Никифорович, нужен кабель!» – и вы летите выбивать кабель.

– Понятно, – сказал я.

– Квартиры – предупреждаю сразу – не будет. А то все вы думаете, раз метро, так сразу и квартира.

– У меня есть площадь, – сказал я.

– Ну, и прекрасно... – почему-то расстроено проговорил он, но вспомнил еще что-то и радостно встрепенулся: – Кабинета я вам не дам, взять неоткуда. Будете сидеть в комнате с четырьмя столами, каждый со своим норовом. А вскоре надеюсь выбить расширение штатов и тогда найду вам хорошего начальника.

– Спасибо, – сказал я.

Тут в дверь заглянул паренек, щуплый и утомленный, и лев обрадовался:

– Во! Это заместитель главного инженера Леонид Осипович. Знакомьтесь. Леонид Осипович введет вас в курс дела.

Леонид Осипович затравленно сунул мне вялую руку, как будто это была не рука, а некий неловкий конвертик, и попросил сигарету. Мы вышли покурить, и я спросил у него:

– Слушай, честно – работенка скандальная?

– Ужасно, – вздохнув, признался он. – Нервотрепка, предпусковой год. А сейчас кольцевую линию будем строить, каждый год станцию сдавать. Вот и считай, что этих предпусковых годков вперед лет на пятнадцать наберется... А ты загнешься, парень. Они ж воруют, гады! Воруют – только отвернись! – И добавил тоскливо: – У нас же мрамор, понял? На могилы.

– На чьи могилы? – спросил я голосом, каким старался говорить на допросах.

– Ну, на памятники... Ужас, сколько тащат! И перепродают. – Он взглянул на часы, ахнул, ткнул окурком в пепельницу на столе секретарши и, не попрощавшись, выбежал.

А я вернулся в вольер ко льву.

Когда я вошел, он сидел, полуотвернувшись, и говорил секретарше:

– Никаких благ ему не обещайте, а то будет драть с нас. – Обернулся и, поняв, что я слышал, изобразил участливое выражение лица, вследствие чего мясистые массы задвигались

во всех направлениях – параллельных и противоположных. – А, Александр Никифорович! Ну как, поговорили? – ласково спросил он, и глазки его зашныряли туда-сюда, соображая что-то свое. Но я не дал им ничего сообразить, потому что разозлился.

– Да, – сказал я. – Мне очень нравится у вас, но боюсь, я вам не подхожу.

– Почему же? – озабоченно спросил лев. – Мы в вас заинтересованы.

– Знаете, специфика работы юрисконсульта...

– Разберетесь! – Он хлопнул по столу.

– Возможно, но все-таки слишком частые поездки...

– Не такие уж и частые!

Мне стало весело. «Ах ты, мой хороший...» – подумал я, любовно оглядывая его гриву, и сказал:

– И потом, знаете, я человек взрослый, у меня обстоятельства могут измениться, в смысле семейных дел.

– Ну, Александр Никифорович, – забормотал он, гоняя глазки из угла в угол. – Что ж, квартира – это дело наживное. Обмозгуем, конечно...

– Я подумаю, – пообещал я.

Он проводил меня до дверей и на прощание потрепал по плечу тяжелой своей лапой.

– Лилия Константиновна, проводите, – велел он секретарше.

Она деловито кивнула головой мальчика-хорошиста и пошла впереди меня, как будто я не нашел бы двери. Она была удивительно бесстрашна. Ни капли интереса в чистеньких серых глазах. Я попытался представить, что бы сейчас произошло, если б я ущипнул ее. Нет, в самом деле, я совершенно не представлял ее реакции.

– До свидания, – она мазнула по мне безразличным взглядом.

«Ущипнуть и поглядеть – что будет», – подумал я и сказал накрахмаленным голосом:

– До свидания.

* * *

Я вернулся как раз в обеденный перерыв. Гришка Шуст со своей Лизой не дождались меня и ушли обедать в столовую трикотажной фабрики. Это рядом, и кормят приличней, чем у нас, комплексными обедами. А я из-за двух совершенно зря перехваченных в пути чебуречков есть не хотел, сидел в кабинете и листал дело Юрия Сорокина, потому что после обеда собирался к нему в тюрьму, на допрос.

Открыв ящик стола, я обнаружил там утренние лимоны. Они выкатились из кулька и свободно раскатывались по пустому ящику. Отрадный глазу желтый плод, подумал я, прохладный и шершавый, полезай в портфель. А из портфеля вытащил наконец целлофановый пакетик с деньгами – вещественное доказательство по делу о спекуляции, которое я зачем-то таскаю с собой вот уже два дня. В сундук его, в сундук! Я пересчитал пачку: трешки, рубли и мятый тряпичный четвертак – итого сто девяносто шесть рублей. Открыл небольшой кованный сундук в углу – он у нас вместо сейфа, для «вещдоков» – и положил пачку. Возможно, сундук и сам был когда-то вещественным доказательством в каком-нибудь давно забытом деле, а потом вот пригодился.

Никогда он не пустует, железный гроб, вечно полон «подарочками»...

В детстве в наш старый двор часто приезжал Шара-Бара на тележке, запряженной унылым, покорным судьбе ишачком. Шара-Бара был старый сухонький узбек в линиялом, засаленном на локтях халате, в затертой тюбетейке. Вот из-за угла показывался ишачок: мерно цокая, выходил в середину двора, к большой песочнице. Старик чмокал, дергал вожжи и неожиданным для своей убогой фигурки мощным воплем раскатывал:

– Ша-ар-ряа-а – Барр-ряа-а! Путылка тащи-и!

Этот призывный вопль был для нас, ребятни, радостным кличем, неким гонгом удачи, знаменовавшим открытие сказочного торго, пиршества удовольствий. Это был призыв к веселию и деятельной радости бытия. Бутылки, пустые бутылки без малейшего изъяна, и ничего кроме! Ни деньги, ни что-либо другое – только пустые бутылки! За бутылку у старика можно было приобрести какую-нибудь уникальную вещь – трещотку или свистульку с одновременно выдувающимся шариком, или красного глиняного козла, или... Бог знает, что можно было обменять на пустую бутылку! Кажется, у козла сзади было отверстие для свистка, кажется, за козла старик брал две бутылки...

Все содержимое сказочной тележки вместе с хозяином называлось «Шара-Бара». Зимой он не приезжал, только летом и в начале осени. Должно быть, зимой занимался другим бизнесом. Помню себя – в трусах, босым, со сбитыми локтями и коленями, и я мчусь по раскаленному асфальту двора к вожденной тележке, крепко сжимая за горлышки две бутылки изпод постного масла. Его появление было так сопряжено, так слито воедино с зеленью двора, с обжигающим ступни асфальтом, с иссиня-синим небом моего города.

Только буйная радость, только азарт обмена – пустая, никому не нужная бутылка на одно из волнующих чудес заветной тележки, только буйная радость, только азарт...

Почему же каждый раз, заглядывая в наш сундук с «вещдоками», я вспоминаю тележку «Шара-Бара»? Отчего? Что за мучительная нить связывает их в моем воображении?

– Сашенька-а, приве-ет, – пропел за моей спиной женский голос.

– Привет, красотка, – сказал я, не оборачиваясь.

– Сидишь над сундуком, скупой рыцарь. – Она подошла и обняла меня сзади за шею. – Маленький ты мой!

– Разомкни объятия, – сказал я, не шевелясь, потому что мне приятно было ощущать шеей и щеками шершавость ее свитера. – Сейчас войдет твой Шуст и зарежет меня одним из вещественных доказательств.

– Шуст к тебе не ревнует, – возразила она, захлопнула крышку сундука и села на нее. Теперь Лиза сидела лицом ко мне.

– Почему это не ревнует? – заинтересовался я.

В лице ее мне чудилось что-то испанское – яркое и трагическое. Да что там – просто хороши были оливковые насмешливые глаза под летучими бровями и всегда печальные, даже в улыбке, губы. Лиза нравилась мне, поэтому в разговоре с нею я старался почаще упоминать Григория. Себе напоминал, на всякий случай.

Гришка был женат, но любил не жену, а Лизу. Лизу любил, но и дочку свою четырехлетнюю любил. Так и жил вот уже два года, с тех пор как Лизу встретил. Вырывался к ней после дежурств, раз в неделю, все остальные дни они только смотрели друг на друга, как очумелые, да я вертелся между ними. Лизин сын Ванька называл Григория «папой».

– Мать-Испания... – сказал я, любуясь ее прелестным нервным лицом, – скажи, что отдать за тебя: коня? фамильную шпагу? презренную мою жизнь?

– Ну, как дела в метро? – спросила Лиза. – Договорился?

– Ага, – сказал я, – совсем было договорился, да понимаешь, секретарша там...

– Что секретарша? – насторожилась Лиза.

– Да вот, хорошенькая такая, ласковая, на шее повисла, на грудь припала, говорит, ах, какая у вас романтическая профессия – следователь, у вас, наверное, и наган есть? Прямо не представляю вас без нагана, говорит.

– Врешь ведь? – засмеялась Лиза.

– Ты лучше скажи, почему это Шуст тебя ко мне не ревнует, а? – переспросил я.

– Ты маленький, – ласково объяснила Лиза. Говорила она быстро, с придыханием, с мягким «г». – Ты мой хорошенький, лапонька моя, сынулечка-пупулечка...

– Что за гадости ты говоришь мне, Лизавета? – возмутился я. – Твой Шуст занимался только на два курса раньше меня!

– Все равно, он взрослый, а ты маленький. Надо тебя женить.

– Меня женить трудно, Лиза. Я женщина с ребенком.

Тут вошел ее ржаной красавец Шуст, и она сразу переключила все внимание на него.

– Гришенька, – проворковала Лиза, – в чем это ты рубашку извозил? Нет, не здесь, на локте?

– Ладно, ребята, я в тюрьму поехал, – сказал я, собирая в портфель бумаги. – Если кто придет – буду часа через два.

– Да не на этом локте, а на том!

Гришка выворачивал локти, как кузнечик. Я посмотрел на них обоих, одурелых от безвыходной любви, и вышел из кабинета.

Прежде чем сесть в автобус, я зашел в гастроном напротив, за «Примой». Такое уж у нас было неписаное правило – едешь на допрос в тюрьму, вези подследственному курево. Законом это, конечно, не предусматривалось.

В гастрономе стояла небольшая очередь за окороком, и я, конечно же, побежал туда и пристроился крайним.

Впереди меня стоял мужчина со свинцовым лицом, помеченным множеством ссадин. Иные были свежие, иные зажившие. Волосы его – серые, редкие – свалились в косички. Он был уже «хороший» и потому преувеличенно трезвым голосом зычно покрикивал:

– Левко! Я здесь! Левко!

Левко – старая, когда-то белая, лет десять не мытая болонка – бегала по гастроному и обнюхивала покупателей. Шерсть ее, как волосы на голове хозяина, свалилась в бурые косицы, а влажный нос был любопытным и озабоченным.

– Левко! Я здесь!

Болонка бросилась на голос хозяина, остановилась у ног и подняла вверх косматую морду. Она с любовью смотрела в испитое лицо, она плевать хотела на все в мире, только бы он – ее кумир, ненаглядный божок – был доволен ее собачьим усердием.

Мужчина купил триста граммов окорока и две бутылки «Российской».

– Левко, пойдем! – не оглядываясь на болонку, скомандовал он, и Левко бросился следом. Через большое окно гастронома вся очередь наблюдала, как они переходят дорогу. Мужчина зыбкой походкой пропойцы, болонка – подбострастной трусцой. И даже на расстоянии видно было, как беззаветно, страстно, трепетно любит она это опустившееся, быть может, никому уже, кроме нее, не нужное существо.

Проехала машина, увлекая за собой шлейф иссохших коричневых листьев, прах лета...

Автобус остановился напротив здания тюрьмы. От остановки было видно, как по крыше розового следственного корпуса прогуливались голуби. Я вынул из кармана пропуск и пошел к воротам.

Во внутреннем дворе, возле дверей кухни, стояла телега, запряженная белой тюремной клячей. Изольда уже лет семнадцать возила арестантам продукты, вот и сейчас на телеге стояли две бочки с квашеной капустой. Изольда тупо смотрела себе под ноги, где бойко перескакивала через вонючий ручеек трясогузка, туда и обратно, туда и обратно. Изольда лениво подергивала хвостом, отгоняя мух, и было заметно, что ей неприятно это суетящееся существо под ее худыми старыми ногами.

Выводной сегодня дежурила Наташа – огромная сильная женщина лет тридцати пяти, с челкой и медленным взглядом наивных зеленых глаз. Арестанты ее боялись и по коридору к камерам шли молча, аккуратно.

Я зашел в свободную, одиннадцатую камеру и ждал, когда Наташа приведет «моего». Было тихо, лишь через маленькое зарешеченное окошко под потолком еле слышно доносились «ладушки» – высокий женский голос что-то кричал на волю, слов было не разобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.